

Дон Уинслоу

Сатори

DON WINSLOW

Satori

Дон Уинслоу
Сатори

По мотивам романа
Треваньяна “Шибуми”

Перевод с английского

Сергея Таска

издательство **АСТ**
издательство **АСТРЕЛЬ**

Москва

УДК 821.111(73)-312.4

ББК 84(7Сое)-44

У37

This edition published by arrangement with INKWELL MANAGEMENT
and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Уинслоу, Дон

У37 Сатори / Дон Уинслоу ; пер. с англ. С. ТАСКА. — Москва : Астрель :
CORPUS, 2013. — 608 с.

ISBN: 978-5-271-46075-3 (ООО “Издательство Астрель”)

ISBN: 978-5-17-077581-1 (ООО “Издательство АСТ”)

Американский беллетрист Дон Уинслоу знаменит своей страстью к захватывающим приключениям, как в книгах, так и в реальной жизни.

Именно таким приключением — и для автора, и для читателя — стало заполнение интригующей лакуны в судьбе Николая Хеля, героя “Шибуми”, классического шпионского романа, которым в 1980-е зачитывался весь мир. Треваньян, создатель “Шибуми”, лишь сообщает, что карьера наемного убийцы-виртуоза Хеля началась в 1952 году с практически невыполнимого задания американских спецслужб — тайной ликвидации советского дипломата в Пекине с целью охлаждения отношений между Китаем и СССР. И только теперь, тридцать с лишним лет спустя, мы узнаем от Дона Уинслоу головокружительные подробности этой истории, следуя за героем из Токио в Пекин и дальше, через Лаос во Вьетнам, по опаснейшему пути, где препятствия множатся в геометрической прогрессии, а любой союзник может с минуты на минуту обернуться смертельным врагом.

УДК 821.111(73)-312.4

ББК 84(7Сое)-44

ISBN: 978-5-271-46075-3 (ООО “Издательство Астрель”)

ISBN: 978-5-17-077581-1 (ООО “Издательство АСТ”)

© 2011 by Don Winslow and the Trevanian Beneficiaries

© С. Таск, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012

© ООО “Издательство Астрель”, 2012

Издательство CORPUS ®

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Токио, октябрь 1951

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пекин, январь 1952

101

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**Горы У-Лян-шань,
провинция Юньнань**

313

*Посвящается
Ричарду Пайну*

*Эта книга — произведение
художественное. Все имена, персонажи,
места и эпизоды являются плодом
воображения автора либо используются
в рамках творческого вымысла. Любое
совпадение с реальными событиями,
объектами и лицами, как живыми, так
и покойными, случайно.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Токио, октябрь 1951

1

Николай Хель проследил за тем, как кленовый лист оторвался от ветки и, потрепетав на легком ветру, мягко лег на землю.

Это было красиво.

Насладившись первой встречей с природой после трех лет одиночного заключения в американской тюрьме, он набрал полные легкие бодрящего осеннего воздуха и задержал дыхание, прежде чем выдохнуть.

Хаверфорд принял это за вздох облегчения.

— Рады выйти на свободу? — спросил агент.

Николай не ответил. Американец был для него пустым местом, обыкновенным дилером, как и все его соотечественники, только вместо автомобилей, крема для бритья или кока-колы он сбывал разведданные. Николай не собирался вступать в бессмысленный разговор, тем более впускать этого функционера в свой личный мир.

Кто был бы не рад выйти на свободу, подумал он, оглядываясь на мрачные серые стены тюрьмы Сугамо, но этим западникам надо непременно высказать очевидное, попытаться сформулировать невырази-

мое. Природа диктует кленовому листу осенью упасть на землю. Я убил генерала Кисикаву, который, можно сказать, был мне отцом, потому что сыновняя природа — и долг — продиктовали мне этот поступок. Американцы посадили меня в тюрьму, следуя своей природе, так как не могли поступить иначе.

А сейчас они даруют мне “свободу”, потому что я им нужен.

Николай зашагал дальше по гравиевой дорожке, обсаженной кленами. Несколько озадаченный уколом беспокойства, настигшим его по выходе из маленькой камеры-одиночки, он подавил в себе волну легкого головокружения от бескрайнего неба. В этом огромном пустом мире у него не осталось никого. В двадцать шесть, после трех лет, проведенных в компании с самим собой, он снова входил в совершенно незнакомый мир.

Хаверфорд, поговоривший с психологом о том, с чем приходится сталкиваться вчерашним заключенным по возвращении в социум, ожидал чего-то подобного. Врач, классический фрейдист с типичным венским акцентом в придачу, предупредил Хаверфорда, что “объект”, привыкший к замкнутому пятаку, поначалу будет подавлен простором. Было бы благо-разумно, сказал врач, поместить такого человека в комнату без окон, но с доступом во двор или в сад для постепенной акклиматизации. Открытые пространства или большой город с его уличными толпами и непре-кращающимся шумом могут подействовать на него угнетающе.

Поэтому Хаверфорд приготовил небольшую комнату в тихом безопасном доме в пригороде Токио. Впрочем, исходя из того, что он узнал о Николае Хеле, из тех

скудных сведений, которые можно было почерпнуть, трудно было представить, что этого человека так просто чем-то подавить или расстроить. Хель демонстрировал сверхъестественное самообладание, спокойствие, граничащее с покровительственными замашками, самоуверенность, переходящую в высокомерие. На первый взгляд Хель являл собой идеальную помесь аристократизма русской матери и самурайской сущности приемного отца, военного преступника Кисикавы, которого он спас от позорной виселицы коротким тычком пальца в область трахеи.

Несмотря на белокурые волосы и живые зеленые глаза, он казался Хаверфорду скорее азиатом, чем европейцем. Он даже ходит как азиат, со скрещенными за спиной руками, чтобы занимать как можно меньше места и не причинять неудобств идущим навстречу людям, и, будучи высоким и худым, застенчиво сутулится. По виду европеец, по сути азиат, решил Хаверфорд. Оно и понятно: мать-эмигрантка вырастила его в Шанхае, а когда город захватили японцы, за его воспитание принялся Кисикава. Когда мать умерла, генерал увез мальчика в Японию, где он жил и учился под руководством мастера сложнейшей, очень тонкой настольной игры го, своего рода японских шахмат, только в сто раз более изощренных.

Со временем Хель тоже стал мастером.

Стоит ли после этого удивляться, что он мыслит как азиат?

Николай догадался, о чем думает Хаверфорд. Американцев видно насквозь, их мысли просвечивают, как камешки на дне прозрачного пруда. Ему было безразлично, что о нем думают, — кого интересует мнение бакалейщика? — так, легкое раздражение. Нико-

лай переключился на ощущения тепла от солнечных лучей.

— Чего вам хочется? — спросил Хаверфорд.

— В каком смысле?

Хаверфорд засмеялся. Почти всем мужчинам, вышедшим после долгой отсидки, нужны три вещи: выпивка, еда и женщина, не обязательно в такой последовательности. Он не собирался тешить высокомерие этого человека, поэтому перешел на японский:

— В смысле чего вам хочется?

Умеренно впечатленный тем, что Хаверфорд говорит по-японски, и находя неожиданным, что тот отказался пожертвовать маленьким камешком на доске, Николай сказал:

— Вряд ли вы сможете мне предложить чашку личного чаю.

— Вообще-то я подготовил скромную *гунфу-ча*, — возразил Хаверфорд. — Надеюсь, вы найдете ее приемлемой.

Традиционная чайная церемония, подумал про себя Николай.

Как интересно.

В конце дорожки их поджидала машина. Хаверфорд открыл перед Николаем заднюю дверцу.

2

Гунфу-ча оказалась не просто приемлемой, а превосходной.

Николай наслаждался каждым глотком *тя-но-ю*¹, сидя со скрещенными ногами на циновке перед лакированным столиком. Несравненный напиток, как и гейша, сидящая поодаль на расстоянии, чтобы не слышать немногословный разговор.

Функционер Хаверфорд потряс Николая: он разбирался в тонкостях чайной церемонии и все подавал с безукоризненной учтивостью, не придерешься. По прибытии в чайный домик он извинился за то, что в силу обстоятельств других гостей не будет, и провел Николая в *мачиай*, комнату ожидания, где познакомил с очаровательной гейшей.

— Это Камико-сан, — сказал Хаверфорд. — Сегодня она будет исполнять роль моего *ханто*².

Камико с поклоном подала Николаю кимоно, а затем предложила *сайю*, чашку с горячей водой, той самой, в которой будет завариваться чай. Николай сделал

1 Японская чайная церемония, также называемая “Путь чая”.

2 Помощник мастера.

глоток, а когда Хаверфорд откланялся и ушел делать чай, Камико вывела Николая в *родзи*, “росный уголок”, маленький сад без цветов, но с композицией из камней. Они уселись на каменную скамью и, не произнося ни слова, наслаждались безмятежным покоем.

Через несколько минут Хаверфорд, уже одетый в кимоно, прошествовал к каменной чаше рукомойника *тёцубаси* и церемониально прополоскал рот и руки в чистой воде, после чего вошел в *родзи* через средние ворота и поклоном, как положено, пригласил Николая. Тот, в свою очередь, очистился с помощью все того же *тёцубаси*.

Войти в *ча-шитсу*, чайную комнату, можно было только через раздвижную дверь высотой не более девяноста сантиметров, поэтому им пришлось нагнуться в поклоне, и этот акт символизировал границу между физическим миром и духовным царством чайной комнаты.

Ча-шитсу была великолепна, элегантна в своей простоте, само воплощение *шибуми*¹. По традиции они сначала подошли к алькову, где висел *какемоно*, свиток с каллиграфическим посланием по случаю. Николай как гость выразил свое восхищение тонкой работой кисточки, изобразившей японский символ *сатори*.

Любопытный выбор, подумал Николай. *Сатори* — дзенская концепция внезапного озарения, осознания жизни в ее истинной сути. Оно не приходит в результате медитации или усилий мысли, но может посетить человека в дуновении ветерка, в потрескивающем язычке пламени, в падающем листе.

1 Японская эстетика простой, ненавязчивой красоты.

Николай еще ни разу не испытал *сатори*.

Перед *какемоно*, на маленькой деревянной подставке, стояла чаша с веточкой клена.

Они прошли к низкому столику, где их ждали жаровня и чайник. Николай и Камико уселись со скрещенными ногами на циновку, а Хаверфорд с поклоном удалился. Через несколько мгновений прозвучал гонг, и он вернулся, неся *ча-ван*, красную керамическую чашу с чайной метелкой, лопаткой и тряпочкой.

В качестве *тейшу*, хозяина, Хаверфорд опустился на колени в подобающем для него месте за столом, прямо напротив Николая. Он тряпочкой протер приборы, наполнил чашу кипятком, в котором сполоснул метелку, после чего все вылил в миску для использованной воды и снова тщательно протер чашу.

Николай, хоть и получал удовольствие от древнего ритуала, не позволял себя всем этим убаюкать. Американец, наверняка покопавшийся в его прошлом, не мог не знать, что в течение нескольких лет, предшествовавших его посадке, он завел в своем доме традиционные японские обычаи, включая наличие домочадцев, и соблюдал старые ритуалы. Хаверфорд отлично понимал, что *ча-кай*¹ вызовет у Николая ностальгию и умиротворение.

И то и другое присутствует, подумал Николай, но с оглядкой.

Хаверфорд продемонстрировал чайную лопатку, потом открыл коробочку и дал гостю возможность оценить аромат. Николай с удивлением отметил про себя, что это *кой-ча*, урожай со столетних чайных кустов, растущих только в тенистых местах отдельных

1 Дословно: "чайное собрание".

округов Киото. Можно было только гадать, в какую сумму обошелся такой *мат-ча*¹ и чего, в конечном счете, это будет стоить ему, Николаю, ведь американцы не станут выкидывать такие деньги за красивые глаза.

Выдержав необходимую паузу, Хаверфорд зачерпнул лопаткой из коробочки шесть мер хорошо измельченного бледно-зеленого чая и бросил в *ча-ван*. Бамбуковым ковшиком подлил в чашу горячей воды и помешивал метелкой до образования на дне тонкой кашицы. Довольный результатом, он передал чашу Николаю.

Николай поклонился, как того требовал ритуал, взял *ча-ван* правой рукой, после чего переложил на левую ладонь. Он три раза, по часовой стрелке, повернул чашу на ладони и только после этого сделал большой глоток. Чай был превосходный, и Николай благодарно хлюпнул напоследок. Вытер край чаши правой рукой, еще раз провернул по часовой стрелке и вернул Хаверфорду, который с поклоном отпил из нее.

Ча-кай перешла в менее ритуальную фазу: теперь Хаверфорд вытер край чаши, а Камико добавила углей в жаровню перед приготовлением чая пожиге. Но кое-какие формальности все же следовало соблюсти, и Николай, будучи гостем, завел речь об утвари, используемой в церемонии.

1 Японский зеленый чай, считающийся напитком роскоши.